

Вэй Чжао не хотел их беспокоить и уже собирался уйти вместе с Вэй Чунжуном, но перед уходом он строго предупредил Цзи Синя, сказав, что если тот снова причинит боль Цзюнь Цину, то он будет наказан за два преступления, и пощады не будет.

Цзи Синь с горькой улыбкой на лице поспешно заверил, что подобная ошибка больше не повторится. Он никогда не хотел причинить вред Цзюнь Цину, и с детства он никогда не побеждал его. То, что произошло в тот день, было чистой случайностью.

В тот день они, как обычно, сражались на тренировочном поле. В первых ста ударах Цзюнь Цин слегка превосходил, но после ста ударов его силы иссякли, и он допустил явный промах. Цзи Синь не упустил такой возможности и без колебаний атаковал.

Обычно, даже если Цзюнь Цин проигрывал, он не позволял Цзи Синю нанести ему вред. Но в тот день его состояние было особенно плохим, и Цзи Синь не успел остановиться, нанеся сильный удар. Спротивление Цзюнь Цина было слабым, и он был сбит на землю, исторгая кровь изо рта.

Затем последовала суматоха. Когда военный врач сказал, что внутренние травмы Цзюнь Цина не опасны, но потрясение могло привести к выкидышу, оба были шокированы.

Цзюнь Цин принимал пилюлю Суюнь, но тогда ему уже исполнилось двадцать лет, и лекарство могло не подействовать. К тому же у них с Цзи Синем было всего несколько моментов близости, и они не могли представить, что это приведет к беременности, ведь ранее не было никаких симптомов.

Военный врач, специализировавшийся на внешних и костных травмах, поспешил посоветовать Цзи Синю найти более опытного специалиста. К счастью, он был человеком, который служил под началом Цзюнь Линя, и не стал распространяться об этом. Позже, чтобы сохранить ребенка, Цзюнь Цин перенес множество трудностей, а Цзи Синь только сожалел, что не был достаточно хорош к нему, и как он мог снова причинить ему боль?

Выйдя из дома маркиза Чжаояна, Вэй Чжао, увидев, что время еще раннее, решил показать Вэй Чунжуну свой княжеский дом. Если ему что-то не понравится или нужно будет что-то добавить, он сообщит об этом в Министерство работ, чтобы они как можно скорее внесли изменения.

С момента основания государства, улица Чжуцюэ, напротив главных ворот императорского города, стала границей, разделяющей столицу Юйцзин на западную часть, где жили богатые, и восточную, где обитала знать. Резиденции членов императорской семьи, аристократов и высокопоставленных чиновников были сосредоточены здесь. Квартал Шангуань, расположенный в северной части восточного города, рядом с императорским городом, был золотым местом в золотом районе. Право жить здесь имели только четыре князя и восемь герцогов, основавших государство, а также принцы и принцессы, оставшиеся в столице, и новые аристократы, получившие титулы за военные заслуги.

Такое выгодное расположение означало, что каждый дом был занят, и никто не мог просто так переехать сюда. Если кто-то хотел поселиться здесь, ему нужно было сначала посмотреть, есть ли кто-то из живущих здесь, кто не заслуживает этого места. Иначе даже указ императора не мог заставить кого-то переехать.

В истории Великой Янь было много случаев, когда принцы основывали свои резиденции, а принцессы выходили замуж, и из-за отсутствия свободных мест в квартале Шангуань их дома строились в соседних кварталах Утун и Хэуа. Вэй Чжао повезло: когда Вэй Су предложил

основать для него резиденцию, управление императорского двора как раз вернуло резиденцию принцессы Чунцин, и Вэй Су приказал снести ее и построить новый дом, который впоследствии станет резиденцией Вэй Чжао.

В квартале Шангуань жили только знатные семьи, и хозяева обычно передвигались на каретах или паланкинах. Такие, как Вэй Чжао и Вэй Чунжун, шедшие пешком, были большой редкостью. Проходя мимо резиденции герцога Ци, Вэй Чжао рассказал Вэй Чунжуну, что наследник герцога Ци, Гу Юй, был его одноклассником.

Вэй Чунжун сразу вспомнил, что Гу Юй действительно хорошо к нему относился, но тогда он уже был герцогом Ци. Раньше он не понимал, почему, но теперь осознал, что это было из уважения к Вэй Чжао, и невольно вздохнул.

В этот момент карета, проезжавшая мимо них, внезапно остановилась. Человек в карете приподнял занавеску и с удивлением произнес:

— Князь Цинь?

Услышав это, Вэй Чжао слегка растерялся, его лицо выражало легкое смятение. Он не ответил и не обернулся. Вэй Чунжун поднял голову и увидел человека, выходящего из кареты, — князя Юньаня, Цзян Чэ.

Цзян Чэ сказал несколько слов кучеру, и тот уехал. Подойдя к Вэй Чжао, он сложил руки в приветствии и сказал:

— Ваш слуга Цзян Чэ приветствует князя Циня.

Дома князя Юньаня Цзян и князя Чаннина Цзи были единственными двумя княжескими домами Великой Янь, не принадлежащими к императорской семье. В отличие от семьи Цзи, которая из поколения в поколение служила в армии, семья Цзян, за исключением первого Цзян Буи и пятого Цзян Ланя, всегда шла по пути гражданской службы.

— Князь Юньань, не стоит церемоний, я не смею принимать такие почести.

Цзян Чэ и Вэй Чжао были равны по титулу, поэтому при встрече достаточно было просто обменяться приветствиями, не прибегая к церемониям.

Цзян Чэ опустил руки, сжав их в кулаки, и задумчиво произнес:

— Я давно слышал, что вы вернулись в столицу, но так и не смог навестить вас во дворце. Это... это...

Вэй Чжао опомнился и поспешно прервал его:

— Это всего лишь небольшая болезнь, не стоит упоминания. Дела в канцелярии сложные, князь Юньань, не стоит беспокоиться.

Цзян Чэ, которому не было еще тридцати, уже был заместителем министра канцелярии, и, учитывая его происхождение и личные способности, он был человеком, с которым нельзя было не считаться.

Цзян Чэ, взволнованно, возразил:

— Ачжао, я не это имел в виду. Мы... зачем нам быть такими чужими...

В порыве эмоций он даже изменил обращение к Вэй Чжао.

Вэй Чжао молчал, и лишь через некоторое время произнес:

— Ачэ, мы уже не можем вернуться в прошлoму, зачем ты настаиваешь?

Даже если бы не опыт Вэй Чжао в Фуюе, они все равно не могли быть вместе: он был князем Цинь, а Цзян Чэ — князем Юньаня.

Цзян Чэ замолчал, и долгое время ничего не говорил. Вэй Чжао смотрел на него, тоже не произнося ни слова. Вэй Чунжун, наблюдая за этим, испытывал странные чувства. Разве он не знал, что у Вэй Чжао и Цзян Чэ было прошлое? Пилюля Суюнь, которую принял Вэй Чжао, тоже была ради Цзян Чэ.

В прошлой жизни Вэй Чунжуна Цзян Чэ всегда заботился о нем, как явно, так и тайно. Хотя он тогда не понимал причин, но, собрав информацию по крупицам, он смог понять, что это было, вероятно, из-за Вэй Чжао.

Вэй Ян взошел на престол в семь лет, и Вэй Су оставил ему четырех регентов: князя Юньаня Цзян Чэ, герцога Юэ Шангуань Сюаня, герцога Го Сунь Шу и герцога Ци Гу Юя. Сунь Шу умер на второй год правления Тайпин, поэтому долгое время регентами были только трое.

Когда Вэй Ян начал бороться с семьей Шангуань, семьи Цзян и Гу не хотели вмешиваться, сохраняя нейтралитет. Но ради него Цзян Чэ сделал исключение. К сожалению, Вэй Ян был подозрительным и считал, что Вэй Чунжун скрывает свои способности, что только усилило его недоверие.

Видимо, атмосфера между ними становилась все более напряженной, и Вэй Чунжун поспешил сыграть роль ребенка, сказав, что он голоден. Естественно, они отправились в известный ресторан на Prospect Zhuque.

Встреча старых друзей, если придерживаться правила «за едой не разговаривают», была бы немного странной, но Вэй Чжао и Цзян Чэ не знали, о чем говорить, и начали обсуждать дела двора. Так они хотя бы не молчали и не сидели в неловком молчании.

Вэй Чунжун начал подозревать, что его присутствие лишнее и мешает Вэй Чжао и Цзян Чэ общаться, поэтому он быстро доел и убежал играть. Но Вэй Чжао и Цзян Чэ оставались такими же, и Вэй Чунжун, спрятавшись у входа, волновался за них.

Цзян Чэ поднял бокал и выпил его залпом, пытаясь сохранить спокойствие:

— Ачжао, как ты жил все эти годы?

Сказав это, он сразу пожалел, что затронул эту тему.

Вэй Чжао рассмеялся, смеясь до слез, и, наконец, успокоившись, посмотрел на Цзян Чэ и пробормотал:

— Ачэ, ты что, пьян? Как я мог жить хорошо?

— Ачжао, прости, я сказал не то!

Цзян Чэ, увидев слезы на глазах Вэй Чжао, выглядел растерянным, потеряв всю свою обычную уверенность.

Вэй Чжао покачал головой и равнодушно произнес:

— Ты ведь видишь, у меня есть сын, сын от Хэлянь Чжо...

Цзян Чэ, не дожидаясь, пока Вэй Чжао закончит, решительно сказал:

— Ачжао, это не важно. Я знаю, что он твой сын, и этого достаточно.

— Ачэ, дай мне закончить.

Вэй Чжао сделал жест, призывающий к тишине, и продолжил:

— Титул семьи Цзян нуждается в наследнике, и тебе тоже нужна княгиня, наследник. А у меня есть Жун, и он хороший.

Цзян Чэ не поверил и с сомнением спросил:

— Ачжао, ты раньше так не говорил.

Вначале маленький принц сказал ему, что любит его, и Цзян Чэ был и рад, и обеспокоен. Рад, потому что человек, которого он любил, испытывал к нему те же чувства, и обеспокоен, потому что их высокое происхождение делало их союз невозможным. Вэй Чжао был любимым принцем, и он не мог покинуть дворец. Цзян Чэ был единственным сыном наследственного князя Юньаня и тоже не мог войти в императорский дворец.

<http://bllate.org/book/16486/1498125>